

Встрѣчи и столкновенія.

Изъ множества встрѣчъ и столкновений, освѣтившихъ или омрачившихъ мой длинный жизненный путь, нѣкоторыя, кажется, заслуживаютъ вниманія читателя. Я ихъ и заносу на бумагу.

А. П. Чеховъ.—М. Ф. Калерджи.—С. Мовюшко.—М. М. Стасюлевичъ.

А. П. Чеховъ.

Съ Антономъ Павловичемъ столкновение? Не можетъ быть, — воскликнетъ всякій, кто знавалъ этого мягкаго, добраго человѣка. Однако столкновение у меня съ нимъ было, и вотъ по какому поводу.

Покойный издатель „Нивы“, А. Ф. Марксъ, какъ извѣстно, приобрѣлъ сочиненія Чехова и, слѣдовательно, надо было ихъ собрать и издать. Чеховъ ихъ самъ редактировалъ, при чемъ выкидывалъ много, очень много, между прочимъ и такія вещи, которыя Марксу нравились. Я тогда состоялъ редакторомъ „Нивы“, и по этому поводу у меня съ Чеховымъ произошелъ разговоръ. Какъ писатель, я понятнo былъ на его сторонѣ.

Улыбаясь своею кроткою улыбкою, Чеховъ мнѣ говорилъ, что писатель не родится готовымъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, что онъ постепенно развивается и вырабатывается, такъ что ему иногда можетъ быть стыдно за прежнія его произведенія. Только самъ писатель можетъ быть судьей въ вопросѣ, что должно и не

должно войти въ собраніе его сочиненій. Нельзя отъ него требовать, чтобы онъ включалъ то, что уже не можетъ признать ни художественнымъ, ни даже просто грамотнымъ. „Чехонте“ могъ многое написать, чего „Чеховъ“ никогда не напишетъ. Конечно, напечатанное нельзя уничтожить, но если бы произведенія его сохранились только въ видѣ рукописей, то онъ немедленно сжегъ бы то, что теперь вымарываетъ краснымъ карандашомъ. Пусть библиографы и критики соберутъ вычеркнутое, чтобы уяснить себѣ ходъ его творчества (они вѣдь любятъ заниматься пустяками, разсмѣялся Чеховъ); но публикѣ это никогда не должно быть предложено. Писатель долженъ давать читателю только то, что онъ въ своихъ произведеніяхъ признаетъ лучшимъ.

— Правъ ли я?—спросилъ меня въ заключеніе Чеховъ, мягкимъ движеніемъ положивъ свою руку на мою.

Я ничего не отвѣтилъ, но благодарно взглянулъ на него за то, что онъ такъ честно и высоко держитъ знамя писателя.

Другихъ столкновеній у меня съ нимъ не было.

М. Ф. Калерджи.

Заговоривъ о Чеховѣ, я вспомнилъ чистые, свѣтлые годы дѣтства, вспомнилъ и ту женщину, которая первая пробудила во мнѣ сознаніе, что искренность и правдивость—нѣчто прекрасное, возвышенное, идеальное.

Мой опекунъ—видный русскій администраторъ въ Варшавѣ время Паскевича—былъ, конечно, хорошо знакомъ съ другими администраторами того времени, между прочимъ съ графомъ Ф. В. Нессельроде, котораго онъ часто навѣщалъ въ домѣ Потоцкихъ на Краковскомъ предмѣстьи. Какъ хорошо помню я этотъ домъ! Онъ видѣлся бѣленькій, чистенькій въ глубинѣ двора, за высокой чугунной рѣшеткой. Это былъ какъ бы отдѣльный мірокъ, въ сторонѣ отъ варшавской уличной жизни, уже тогда, въ второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, довольно шумной. Я любилъ, когда меня мой опекунъ бралъ въ гости къ старому графу, высокому, какъ лунь сѣдому, съ нафабранными густыми черными усами и еще огненными черными глазами. Его оригинальная фигура въ сѣромъ сюртукѣ-халатѣ придавала особый интересъ дому, и такъ уже почему-то возбуждавшему мое любопытство. Я все ожидалъ, что въ этомъ домѣ случится что-то необыкновенное, что-то непохожее на то, что происходитъ въ другихъ домахъ. Вотъ почему я,

одиннадцати-лѣтній мальчикъ, вѣроятно, не скучалъ, когда два старика иногда долго бесѣдовали въ кабинетѣ о политикѣ, предоставляя мнѣ заниматься въ другихъ комнатахъ или въ саду, чѣмъ мнѣ вздумается.

Изъ гостиной былъ прямой выходъ на балконъ и въ небольшой, но тѣнистый садъ. Я его помню только весной, когда онъ мнѣ казался особенно привлекательнымъ, хотя въ мое время въ Варшавѣ было вездѣ много зелени. Но здѣсь царствовала такая тишина, и все казалось такимъ таинственнымъ, что я всегда радовался случаю попасть къ графу Нессельроде. Иногда я бралъ изъ гостиной для виду какую-нибудь книгу и уходилъ съ нею въ садъ, гдѣ тихо сидѣлъ на скамейкѣ, рѣдко читалъ и больше мечталъ, ожидая того, что должно было случиться—недаромъ же этотъ бѣлый домъ какъ бы замеръ, недаромъ высокія комнаты казались заброшенными, хотя и были наполнены дорогою мебелью и картинами, недаромъ деревья и кусты въ садикѣ, отдѣленномъ отъ города высокими стѣнами, стояли замороженные, и ни одна былинка не шелохнется, ни одинъ листикъ не дрогнетъ...

И необыкновенное дѣйствительно случилось. Со скамейки въ саду я, бросивъ разсѣянный взглядъ на балконъ, вдругъ увидѣлъ въ дверяхъ женскую фигуру, которая навсегда запечатлѣлась въ моей памяти. Чѣмъ она меня такъ поразила — не могу сказать. Красивыхъ женщинъ въ Варшавѣ вообще много, да и среди нашихъ знакомыхъ были женщины большой красоты, напримѣръ, двѣ сестры Теннеръ, Луиза и Леонтина, дочери начальника триангуляціи въ Царствѣ Польскомъ, извѣстнаго геодезиста генералъ-лейтенанта Теннера, въ семьѣ котораго я часто бывалъ. Нѣтъ, тутъ дѣло было не въ красотѣ, а въ чемъ-то другомъ, что сразу овладѣло моимъ вниманіемъ, такъ что я не могъ оторвать взгляда отъ женщины, появившейся на балконѣ и, казалось, кого-то высматривавшей. Не меня ли? Мнѣ хотѣлось куда-нибудь скрыться, мнѣ стало жутко, и въ то же время меня что-то такъ и тянуло къ ней. Я зналъ, кто она. Я теперь вспомнилъ, что графъ упомянулъ о пріѣздѣ къ нему дочери изъ-за границы. Но я тогда не обратилъ на его слова вниманія, сказавъ себѣ, что въ Варшавѣ будетъ одной дамой больше—вотъ и все. А теперь...

Она меня тихо окликнула и въ то же время направилась въ мою сторону. Вѣжливость заставила меня встать и пойти ей навстрѣчу. Но она меня опять усадила на скамейку и долго говорила мнѣ что-то по-французски. Хотя я хорошо зналъ этотъ языкъ, но не вникалъ въ ея слова, подчиняясь привычкѣ дѣтей довѣрять больше глазамъ и слуху, чѣмъ смыслу рѣчи. Я изучалъ сидѣвшую передо

мною женщину съ напряженнымъ вниманіемъ, потому что мнѣ все казалось, что она и есть то необыкновенное, чего я ожидалъ. И тѣмъ не менѣе я ничего необыкновеннаго въ ней уловить не могъ. Отъ нея пахло тонкими духами, какъ отъ всѣхъ женщинъ моего круга, платье было такое же изящное, руки такія же холенныя, нѣжныя, мягкія. Но чѣмъ больше сходства я находилъ между нею и остальными женщинами, тѣмъ напряженнѣе я слѣдилъ за тѣмъ, какъ она говорила: внутренней голосъ мнѣ настойчиво нашептывалъ, что въ этой женщинѣ есть что-то особенное, чего нѣтъ въ другихъ, хотя я тогда не зналъ, что она воспѣта знаменитыми поэтами, что ея общества ищутъ и цари, и художники, и писатели, и мыслители. Раза два она наклонилась близко ко мнѣ, какъ бы желая заглянуть мнѣ въ душу, я тоже заглядывалъ ей въ глаза: было что-то чистое, свѣтлое въ ихъ глубинѣ и столь прекрасное, что трудно было отъ нихъ оторваться.

Она улыбнулась мнѣ и сказала: „Пойдемъ, я тебя угощу“. (*Viens, mon garçon, je te régalerai*).

Я обидѣлся. Я нашелъ необыкновенное, и вдругъ — конфеты, сладости. Мы пришли въ гостиную; тутъ она меня усадила на диванъ и спросила, — люблю ли я музыку? Я все еще чувствовалъ себя обиженнымъ. Къ тому же отъ экзерсисовъ сестры у меня часто голова болѣла, а выписанная для меня изъ Берлина учительница музыки мнѣ такъ не нравилась и своею наружностью, и своею строгостью, и своими манерами, что, помню, я на дачѣ забивался на сѣноваль, когда она меня звала, чтобъ дать урокъ. Зоветъ она меня, бывало, зоветъ — и умолкнетъ. Въ домѣ рѣшили, что у меня нѣтъ способностей къ музыкѣ, и освободили меня отъ уроковъ. И вдругъ этотъ вопросъ. Я нехотя отвѣтилъ, что музыки совсѣмъ не люблю. Облачко удивленія или недовѣрія пробѣжало по прекрасному лицу, склоненному надо мною. Но вслѣдъ затѣмъ въ комнатѣ раздались звуки. Нѣтъ, это не были экзерсисы или пьесы сестры; это не были и рубленные звуки учительницы музыки. Это было нѣчто совсѣмъ другое. Не можетъ быть, чтобы они извлекались изъ стоявшаго передо мною инструмента; они неслись откуда-то издалека, нѣжно, невнятно, словно мечта. Потомъ понемногу становились все опредѣленнѣе, все яснѣе, все звонче и веселѣе. Что-то назрѣвало, что-то подготовлялось, — вотъ-вотъ прорвется безумное веселіе. И дѣйствительно, оно прорвалось, да такъ, что я еле усидѣлъ на мѣстѣ. Пустынные комнаты ожили, наполнились гостями, я видѣлъ, какъ нарядныя пары съ увлеченіемъ танцовали мазурку, дамы граціозно поводили красивыми руками, кавалеры лихо притоптывали ногами и позвякивали шпорами, темпъ мазурки

все ускорялся, лица разгорались, танец достигъ такой быстроты, такого увлеченія, что, казалось, пары столкнутся, все смѣшается... но вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, музыка оборвалась, и каждый кавалеръ склонилъ колѣно передъ своею дамою. Потомъ все исчезло. Звуки снова неслись издалека. Теперь ихъ было много, слишкомъ много. Они меня смущали своимъ обиліемъ, пока я не понялъ, что это не звуки, а журчаніе ручья, что возлѣ ручья кто-то сидитъ и тихо плачетъ. Плачетъ дѣвушка, и она вовсе не у ручья, а сидитъ за роялемъ, нѣтъ, она у ручья: я вѣдь слышу его журчанье. Я не могу разобраться, но чувствую, какъ грусть все сильнѣе щемитъ сердце, какъ она подступаетъ къ горлу... вотъ-вотъ я сейчасъ заплачу...

Звуки оборвались, и я оказался въ объятіяхъ волшебницы, заставлявшей меня то плакать, то смѣяться. Она обнимала меня одной рукой, а другой вытирала мнѣ слезы и нѣжно упрекала меня за то, что я ей сказалъ неправду, будто бы музыки не люблю. Я не оправдывался, я опять смотрѣлъ ей въ глаза и теперь уже твердо зналъ, что необыкновенное мною найдено...

Она подвела меня къ роялю и, взявъ звукъ, просила повторить его голосомъ, затѣмъ другой, третій, все новые и новые, пока я не пропѣлъ ей такимъ образомъ отчетливо двѣ краткія мелодіи. И, дѣлая это, она радовалась, какъ ребенокъ, что все идетъ такъ хорошо, и ея улыбка шла отъ большого ея сердца къ маленькому моему сердцу и наполняла его неизвѣданнымъ еще чувствомъ, которому я и теперь еще затрудняюсь прибрать названіе. Но я твердо помню, что съ этихъ поръ искренность и правда для меня слились съ красотою, что я полюбилъ съ тѣхъ поръ и музыку, которой, какъ и правдѣ, обязанъ лучшими минутами въ моей жизни.

М. Ф. Калерджи оставила въ моей душѣ богатое наслѣдство, хотя я ее видѣлъ только въ дѣтствѣ, да и то вѣроятно не болѣе четверти часа...

С. Монюшко.

Кстати вспомню о моемъ столкновеніи съ знаменитымъ авторомъ „Гальки“, Монюшко, въ судьбѣ котораго Калерджи приняла такое живое и благотворное участіе.

Я былъ тогда уже студентомъ и только на каникулы пріѣзжалъ въ Варшаву. Любовь къ музыкѣ, открытая во мнѣ Калерджи, развилась. Я маралъ бумагу, сочиняя романсы и, главное, съ увлече-

ніемъ изучалъ классиковъ и новыхъ композиторовъ, между прочимъ и Монюшко, приобрѣлъ даже клавираусцуги „Графини“ и „Гальки“. „Галька“ мнѣ такъ понравилась, что я зналъ ее почти наизусть. Мнѣ очень хотѣлось ее прослушать въ хорошемъ исполненіи. Но въ Петербургѣ она тогда еще не давалась. Въ первый разъ я ее услышалъ въ Варшавѣ, кажется, въ 1865 г.

Дирижировалъ самъ Монюшко, состоявшій съ 1858 г. дирижеромъ варшавской казенной оперы. Я зналъ, что опера пролежала больше двѣнадцати лѣтъ у него въ портфель раньше, чѣмъ удостоилась постановки. Зналъ я вообще печальную судьбу этого даровитаго композитора, которому пришлось почти двадцать лѣтъ пробиваться скуднымъ хлѣбомъ провинціального органиста и учителя музыки прежде, чѣмъ онъ добился признанія.

Исполненіе увертюры меня разочаровало. Монюшко дирижировалъ вяло, да и оркестръ послѣ петербургскихъ оперныхъ (итальянскаго и русскаго) показался мнѣ ужъ очень жидкимъ. Но вотъ началась самая опера. Я сильно интересовался тѣмъ, вѣрно ли я понялъ композитора. Но почти ничего новаго мнѣ его толкованіе не дало, и — что окончательно меня сконфузило — цѣлыя страницы партитуры, такія, которыя мнѣ казались прямо ея украшеніемъ, были немилосердно вычеркнуты. Я недоумѣвалъ, и если бы не прекрасное пѣніе и игра тенора Добрскаго, создавшаго роль Іонтка, разочарованіе мое не знало бы границъ.

Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ мой опекунъ предложилъ познакомить меня съ Монюшко. Я конечно обрадовался этому предложенію.

Мы встрѣтились съ Монюшко въ корридорѣ. Бритый, въ золотыхъ очкахъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе скорѣе пастора или учителя, чѣмъ выдающагося художника. И въ манерѣ его держать себя было что-то робкое, даже приниженное. Недаромъ онъ такъ долго бѣдствовалъ. Опекунъ меня отрекомендовалъ поклонникомъ его музыкальныхъ произведеній. Онъ спросилъ меня, музыкантъ ли я, и на мой отвѣтъ, что я простой любитель, съ скромною улыбкой замѣтилъ, что и онъ въ сущности — только любитель, потому что его музыкальное образованіе кончилось уже въ 19 лѣтъ, и его учительницею была мать, никогда, какъ и онъ самъ, не имѣвшая сколько-нибудь выдающихся учителей. Я не утерпѣлъ и спросилъ его, почему онъ, исполняя „Гальку“, пропускаетъ столько прекрасныхъ мѣстъ, и перечислил нѣкоторыя изъ нихъ. Должно быть, въ тонѣ моемъ слышалось большое сожалѣніе, потому что онъ внимательно посмотрѣлъ на меня, затѣмъ спросилъ, —какая публика

наполняетъ театръ, и кто занимаетъ самыя дорогія мѣста? Я сказалъ, что среди публики преобладаетъ, по крайней мѣрѣ въ партерѣ и въ ложахъ, военный элементъ. На это онъ замѣтилъ: „Господа офицеры и ихъ знакомые любятъ балетъ,—вотъ въ полонезѣ и мазуркѣ я ничего не пропустилъ, не пропущу ничего и въ пляскѣ горцевъ“. Сказавъ это, онъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

Я вспомнилъ тѣ двадцать лѣтъ, когда онъ въ Вильнѣ бѣгалъ по частнымъ урокамъ, вспомнилъ и тѣ двѣнадцать лѣтъ, когда партитура „Гальки“ мирно покоилась въ его письменномъ столѣ, и подумалъ, что послѣ такого искуса онъ конечно не желаетъ подвергать свою судьбу новому испытанію и даетъ публикѣ то, что ей нравится.

Потомъ, когда я остался одинъ, мнѣ въ первый разъ въ жизни ясно представилось, что искусство—одно, а успѣхъ—другое; я понималъ, какая сила заключалась въ этомъ скромномъ человѣкѣ, если онъ могъ лихорадочно творить, создавать одно произведеніе за другимъ, не находя себѣ признанія, посѣтовалъ на польское общество, чуть-ли не давшее погибнуть Моцарту, и съ благодарностью вспоминалъ Глинку и Даргомыжскаго, горячо поддержавшихъ его въ Петербургѣ, и въ особенности Калерджи, сдѣлавшую для него безконечно много.

М. М. Стасюлевичъ.

Съ нимъ у меня было два столкновенія: одно въ концѣ 80-хъ годовъ на почвѣ общественной, другое—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на почвѣ личной, писательской.

Начну съ перваго. Четверть вѣка тому назадъ, какъ и теперь, въ Петербургѣ усиленно обсуждался вопросъ о питьевой водѣ. Городъ во главѣ съ Стасюлевичемъ, состоявшимъ съ 1883 г. председателемъ исполнительной комиссіи по надзору за водоснабженіемъ, требовалъ отъ общества городскихъ водопроводовъ устройства фильтровъ; но была и другая партія, относившаяся къ фильтрамъ не особенно довѣрчиво; при чемъ однако возраженія противъ нихъ формулировались какъ-то робко. Это мнѣ показалось тѣмъ болѣе непонятнымъ, что у насъ уже были солидныя подготовительныя работы для правильнаго рѣшенія вопроса. Первымъ тутъ выступилъ позднѣйшій профессоръ патологіи Варшавскаго университета, ординаторъ С. П. Боткина, М. Д. Лапчинскій, а затѣмъ и будущій профессоръ гигиены при Военно-Медицинской академіи С. В. Шидлов-

скій, завѣдывавшій фильтрами, впервые введенными въ Петербургъ въ Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Оба ученые очень подробно ознакомились съ водоснабженіемъ въ европейскихъ городахъ, но, кромѣ того, оба занялись специально невской водой, при чемъ одинъ (покойный проф. Лапчинскій) посвятилъ себя изученію сродства между микроорганизмами (спирохетами), встрѣчающимися въ крови при нѣкоторыхъ болѣзняхъ (главнымъ образомъ, при возвратномъ тифѣ) и встрѣчающимися въ невской водѣ, а другой (проф. Шидловскій) специально занялся вопросомъ объ очисткѣ пескомъ воды для питья въ большихъ городахъ. Выводъ обоихъ профессоровъ оказался смертнымъ приговоромъ для фильтровъ: проф. Шидловскій выяснилъ на основаніи строго-провѣренныхъ фактовъ, что даже при самыхъ усовершенствованныхъ фильтрахъ, какіе имѣлись тогда въ Лондонѣ, Гамбургѣ, Дортмундѣ и т. д., вода посредствомъ фильтраціи можетъ быть лишена всего „около половины растворенныхъ въ ней органическихъ веществъ“; выводъ же проф. Лапчинскаго былъ тотъ, что микроорганизмы свободно проходятъ черезъ песчаный слой фильтровъ и даже прекрасно размножаются въ нихъ, и что поэтому фильтрованная вода даже опаснѣе для здоровья, чѣмъ нефилтррованная. Къ такому выводу пришли наши ученые уже тридцать лѣтъ тому назадъ.

Руководствуясь ихъ работами, я помѣстилъ въ „Новостяхъ“ статью подъ заглавіемъ: „Фауна и флора невской воды“, въ которой доказывалъ, что фильтры дѣлу помочь не могутъ, и что невскую воду надо во что бы то ни стало замѣнить другой.

Вотъ на этой почвѣ и разыгралось мое столкновение съ покойнымъ Стасюлевичемъ. Въ качествѣ предсѣдателя исполнительной комиссіи по надзору за водоснабженіемъ онъ съѣздилъ въ Европу и вынесъ оттуда твердое убѣжденіе, что фильтры удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, какъ надежное средство очистки воды отъ болѣзнетворныхъ микробовъ. Гдѣ онъ составилъ себѣ подобное убѣжденіе,—трудно понять, потому что уже въ 1874 г. наиболѣе компетентные западные специалисты по водоснабженію городовъ пришли къ единодушному мнѣнію, что фильтрованіе воды недостаточно для ея оздоровленія, и что холера и тифъ главнымъ образомъ распространяются рѣчной водой, какъ нефилтррованной, такъ и филтррованной. Но Стасюлевичъ этого знать не хотѣлъ. Однимъ изъ мотивовъ, побуждавшихъ его энергически агитировать за фильтры, какъ я догадывался, была возможность заставить водопроводное общество построить фильтры, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавить городъ отъ значительнаго расхода на устройство болѣе рациональ-

наго водоснабженія столицы. Стасюлевичъ вступилъ въ борьбу съ водопроводнымъ обществомъ, отказавшимся строить фильтры, готовился защищать свое дѣло даже въ судѣ, а тутъ вдругъ явилась моя статья, въ которой выяснялось, что фильтры совершенно бесполезны.

Конечно, эта статья не могла понравиться Стасюлевичу. Но издатель „Вѣстника Европы“ пользовался репутаціей очень корректнаго человѣка. Не даромъ мой другъ В. О. Михневичъ въ своемъ остроумномъ „Словарѣ современниковъ“ далъ ему слѣдующую характеристику: „Вся его (т. е. Стасюлевича) трудолюбивая дѣятельность и всѣ предпріятія, не блистая какой-нибудь чрезвычайностью, носятъ печать солидности, обдуманной зрѣлости и безупречной порядочности“. Дѣйствительно таково было общее мнѣніе. Поэтому я съ большимъ интересомъ ждалъ, что Стасюлевичъ возразитъ на мою статью. Можетъ быть, говорилъ я себѣ, онъ меня убѣдитъ, что фильтры въ самомъ дѣлѣ спасутъ столичное населеніе отъ тифа и холеры.

Какъ только моя статья появилась въ „Новостяхъ“, Михаилъ Матвѣевичъ пріѣхалъ въ редакцію съ бурнымъ протестомъ. Насилу удалось его успокоить согласіемъ напечатать его возраженіе. Въ чемъ же заключалось оно? Стасюлевичъ ехидно въ немъ замѣчалъ, что культурная Европа, вводя у себя фильтры, конечно, знаетъ, что дѣлаетъ, а что намъ слѣдуетъ учиться у Европы и не обращать вниманіе на статьи доморощенныхъ публицистовъ и изслѣдованія малоизвѣстныхъ отечественныхъ ученыхъ, но что во всякомъ случаѣ Шидловскій несравненно авторитетнѣе какого-то Лапчинскаго.

Вотъ и все возраженіе. Чтобы должнымъ образомъ его оцѣнить, вспомнимъ, что проф. Шидловскій вопроса о болѣзнетворныхъ микробахъ, содержащихся въ рѣчной водѣ, вовсе не касался и изучилъ только вопросъ о способности фильтровъ очищать воду отъ органическихъ веществъ; профессоръ же Лапчинскій путемъ долгихъ и тщательныхъ наблюденій надъ невской водой, фильтрованной и нефилътрированной, установилъ то, что нынѣ составляетъ уже общее мѣсто, именно, что рѣчная вода, особенно же рѣчная вода загрязненная, хотя бы и фильтрованная, служитъ прекрасною средою для размноженія болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ. Согласиться съ проф. Лапчинскимъ значило отказаться отъ фильтровъ; поэтому надо было отвергнуть его авторитетъ и признать развѣ авторитетъ проф. Шидловскаго, совершенно не возбуждавшаго опаснаго вопроса; сослаться на тѣ западноевропейскіе города, которые поторопились устроить у себя бесполезные фильтры, и дискредитировать или

игнорировать тѣхъ западныхъ специалистовъ, которые на основаніи богатаго фактическаго матеріала выяснили, что фильтры нисколько не охраняютъ городского населенія отъ повальныхъ болѣзней, и что вѣрнымъ средствомъ тутъ служить только ключевая вода и канализація.

Стасюлевичъ выигралъ на судѣ дѣло противъ водопроводнаго общества и заставилъ его построить фильтры, которые остались въ вѣчномъ владѣніи города, правда, избавили столичныхъ обывателей отъ смѣхотворной корюшки въ кухонныхъ раковинахъ, но не отъ двухъ холерныхъ эпидемій, изъ которыхъ вторая длится уже четвертый годъ, и хроническаго тифа, который вмѣстѣ съ холерой уноситъ десятки тысячъ жертвъ и вызываетъ безконечные расходы. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что оздоровленіе питьевой воды въ столицѣ было тогда отложено на четверть вѣка.

Второе мое столкновеніе съ издателемъ „Вѣстника Европы“ произошло по слѣдующему поводу. Въ 1906 г. принята была моя повѣсть въ упомянутомъ журналѣ. Я попросилъ присылать мнѣ корректуру, но мнѣ было въ этомъ отказано на томъ-де основаніи, что „корректуря „Вѣстника Европы“ образцова“. Тутъ я вспомнилъ, что почтеннѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ дѣйствительно гордился тщательностью своей корректуры. Я, правда, вспомнилъ и извѣстныя нареканія Тургенева и А. Толстого на корректуру „Вѣстника Европы“, но не протестовалъ и глубоко въ этомъ раскаялся. Искаженіямъ моя повѣсть подверглась почти невѣроятнымъ. Для примѣра укажу хотя бы на слѣдующія два. Вмѣсто: „Въ Испаніи республика провозглашена тридцать три года тому назадъ“—напечатано: „Въ Испаніи республика провозглашена три года тому назадъ“, а вмѣсто: „Во главѣ ея (т. е. Бразиліи), какъ у насъ, стоялъ Императоръ“—напечатано: „Во главѣ ея, какъ у насъ, стоялъ король“. Выходило, что Испанія и до сихъ поръ республика, и что у насъ, какъ прежде въ Бразиліи, царствуетъ король. Это говоритъ въ повѣсти дипломатъ. Откуда взялся этотъ король—уму непостижимо, но ясно одно: тщательность корректуры „Вѣстника Европы“ подлежитъ большому сомнѣнію.

Впрочемъ, это только мимоходомъ. Несмотря на эти искаженія, я въ февралѣ 1908 г. предложилъ журналу новую повѣсть. Она была также принята съ обѣщаніемъ въ виду ея злободневности, что она не залежится. Однако до сентября она не появлялась. Обезпокоенный ея судьбой, я обратился съ запросомъ и получилъ отвѣтъ, что она въ этомъ году не можетъ пойти, потому что редакція съ новаго года переходитъ въ другія руки, но что она

пойдетъ въ 1909 г. при новой редакціи. Однако въ концѣ сентября картина круто измѣняется. Стасюлевичъ пишетъ мнѣ два письма, въ которыхъ старается меня, совершенно чужого ему человѣка, разжалобить тѣмъ, что онъ старъ, очень утомленъ, принялъ редакцію „Вѣстника Европы“, когда ему было уже 40 лѣтъ, и въ концѣ концовъ проситъ меня взять мою рукопись обратно. Такимъ образомъ я жилъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ въ увѣренности, что рукопись моя пристроена, и вдругъ получаю увѣдомленіе, что она мнѣ возвращается. Я махнулъ на Стасюлевича рукой и помѣстилъ повѣсть въ другомъ журналѣ; но не трудно понять, въ какое тяжелое положеніе подобный образъ дѣйствій могъ бы поставить многихъ авторовъ, какъ и то, что корректный издатель при такихъ обстоятельствахъ просто призналъ бы свою вину и выразилъ бы готовность нести ея послѣдствія, а не прибѣгъ бы къ жалостнымъ отговоркамъ.

Р. Сементковскій.

